

— Хе-хе.

По сравнению с гибелью в роли Юй Сыин, моя нынешняя судьба куда лучше.

Ты наконец-то снова отправил меня прочь, Чу Ли.

С этого момента мы стали совершенно чужими людьми, не так ли?

Я обязательно заставлю тебя пожалеть о сегодняшнем решении, пожалеть о том, что ты отправил меня в Императорский дворец. Обязательно.

День второй.

Рано утром Цин Ло разбудили служанки. После того как она воскурила благовония, омылась и переделась, она позволила служанкам уложить свои волосы в сложную и пышную придворную прическу, утыканную сияющими золотыми шпильками, переделась в бледно-красное придворное платье и наложила тяжелый, яркий макияж.

Её внешность и без того была невероятно хороша, а после столь тщательных приготовлений она стала поистине потрясающей воображение красавицей, от которой захватывало дух. Единственным изъяном оставалось то, что уголок ее рта все еще слегка припухал, а на щеке виднелся бледный шрам — всё это пудра и румяна были не в силах скрыть.

— Госпожа так прекрасна, — радостно и грустно произнесла Лоэр. — Увидев вас, Ван наверняка решил бы, что перед ним небожительница.

— Лоэр, прекрати нести чушь! — строго оборвала ее Цин Ло. — Я вот-вот войду во дворец, неужели ты хочешь все испортить?

— Лоэр знает свою ошибку...

— Госпожа Цин Ло и впрямь крайне осторожна, впрочем, оно и верно. Лоэр, войдя во дворец, ты должна следить за каждым своим словом и поступком: лучше сказать меньше, чем больше, нельзя доставлять хлопоты госпоже и Вану, понимаешь? — отчитала Лоэр пожилая матрона.

— Слушаюсь.

— Госпожа, прошу вас спокойно дожидаться счастливого часа. Как только он наступит, вы отправитесь во дворец.

— Благодарю вас, матрона.

Украшения на голове были настолько тяжелыми, что едва позволяли держать голову прямо, однако Цин Ло сидела с изящным и спокойным видом, и в каждом ее движении сквозило благородство, присущее лишь девам из знатных семей, отчего матроны в душе невольно изумлялись. Они никак не ожидали, что девушка столь скродного происхождения, помимо прекрасной внешности, окажется еще и настолько смышленной; судя по всему, ее будущее поистине безгранично... Но почему же Ван с легкостью отдал ее другому?

— Счастливей час настал. Прошу вас, госпожа, выходите.

— Пойдемте.

Красный шелковый плат скрыл лицо Цин Ло, она оперлась рукой о руку матроны и, следуя за ней, вышла из комнаты, а заодно и покинула резиденцию князя Наньчао. Сидя в карете, она в последний раз бросила взгляд на медленно удаляющуюся Резиденцию князя Наньчао, после чего снова накинула на себя красный платок.

Прощай, Чу Ли.

Быть может, навсегда.

— Ван, госпожа Цин Ло уехала.

— Мм. Она ничего не сказала?

— Похоже, что нет... А та девчонка, Лоэр, все время плакала, но госпожа Цин Ло казалась очень спокойной, не произнесла ни слова.

— Хе-хе... Это на нее похоже. Что еще?

— Матроны говорят, что манеры госпожи Цин Ло точь-в-точь как у аристократки, они никогда прежде не встречали столь тонченных женщин.

— Ее манеры и впрямь безупречны.

Чу Ли кивнул, внезапно почувствовав раздражение и тревогу — стоило ему вспомнить об уходе этой женщины, как на душе возникал неприятный осадок. Он взял себя в руки, прогнал прочь мысли об этой раздражающей его особе и сменил тему:

— Что говорят со стороны Линчжи?

— Госпожа Линчжи уже посажена под домашний арест, она не возражала.

— Она объяснила, почему решила чинить препятствия Цин Ло?

— Нет. Но, по мнению вашего подчиненного...

— Говори прямо.

— Похоже, госпожа Линчжи сама пребывает в растерянности. То она твердит какое-то «невозможно», то заявляет, будто «все это ложь». Ваш подчиненный считает, что госпожа, кажется...

— Сошла с ума?

— Ваш подчиненный не смеет говорить подобное.

— Учинить такое с девушкой, которую должно отправить во дворец... Она и правда сбесилась. Самим виноват, что слишком долго потакал ей, вот она и распоясалась окончательно.

— Ван, кажется, госпожа еще и заставила госпожу Цин Ло что-то написать, не желаете взглянуть?

— Давайте, — небрежно бросил Чу Ли.

Он взял поданное подчиненным письмо и невольно восхитился бурной фантазией Линчжи, попутно размышляя, не навести ли порядок в своем гареме — а то этим женщинам явно слишком скучно. Внезапно его взгляд зацепился за подпись в самом низу, тело слегка задрожало, а пальцы чуть не разорвали бумагу в клочья.

— Чья это подпись?

— Ван?

— Кто оставил подпись Линчжи?

— Похоже... госпожа Цин Ло... Ван, что с вами? Ван?

Чу Ли бросился к выходу.

Он стоял на пороге и во все глаза смотрел, как карета исчезает из виду, а затем опустил взгляд на листок бумаги в руке, чувствуя, как в груди внезапно образовалась зияющая, невыносимо саднящая пустота. В сознании зародилась догадка, в которую он сам не смел поверить; крепко сжав кулаки, он пробормотал про себя:

— Цин Ло... Сын... Сын!

— Ван? — робко окликнул его подчиненный.

— Пошел вон.

— Слушаюсь...

Чу Ли стоял у входа в резиденцию совершенно один, снова и снова перечитывая тот листок бумаги, прижимая знакомый по воспоминаниям почерк к груди так крепко, будто мог почувствовать чужое сердцебиение. Разум твердил ему, что все это вполне может оказаться ловушкой, но он был готов пасть в нее по собственному волеизъявлению! Ведь пока оставалась хоть крошечная доля вероятности, пока еще существовал шанс искупить свою вину...

Но не поздно ли все?

Он слышал, что Кровавый нефрит обладает удивительными свойствами — неужели и впрямь...

Что бы ни случилось, я непременно отыщу ответ. Цин Ло, неважно, обучили ли тебя подделывать почерк Сын, или же действительно существует возвращение души в брренное тело и перерождение...

Я никогда не верил ни в каких богов и Будду, я верю только в себя. Поэтому я сам найду ответ, Цин Ло.

Императорский дворец.

Карета остановилась перед боковыми Воротах Сюань. Стражники тщательно досмотрели экипаж и лишь после этого позволили им въехать внутрь. Их привели в весьма уединенную обитель в глубине дворца — Дворец Юйцзао.

Император не пожаловал Цин Ло никакого официального титула, поэтому временно она поселилась в этом уединенном дворце в ожидании императорского призыва. Дворец Юйцзао был невелик, постоянной хозяйки в нем не имелось, и в нем проживали две Нложницы Мэйжэнь да одна скромная талантливая наложница — все они занимали довольно низкие ступени в иерархии супруг правителя. Цин Ло не ведала, кто именно определил ее в столь глухое место, но догадывалась, что этот человек наверняка хотел тайком преподать ей урок и надеялся, что Император быстро забудет о ней: даже если ей посчастливится забеременеть, она останется всего лишь скромной наложницей Мэйжэнь, недостойной лучшего положения.

— Госпожа, почему мы поселились в таком месте? Ведь вас привели во дворец по личному повелению Императора, как же так...

— Лоэр! — строго посмотрела на нее Цин Ло, подумав, что эту девчонку действительно пора проучить. — Что это за место, разве тебе позволено болтать что вздумается? Живо замолчи!

— Госпожа Цин Ло права, проявляя осторожность, но и слова госпожи Лоэр не лишены смысла. Поселись вы в покоях какой-нибудь обласканной милостью наложницы, у вас, естественно, было бы куда больше шансов повидать Императора — а ведь женщины во дворце только тем и живут, что ради Императора и дышат. Красивые, добродетельные, талантливые... во дворце хватает всяких. Пусть сейчас госпожа и обижена, но ведь не каждому довелось бы жить в подобных покоях. Как только госпожа завоюет расположение Императора, у вас непременно появятся собственные хоромы, и тогда не придется ютиться под чужой крышей и заглядывать кому-то в глаза.

Эти слова произнесла пожилая дворцовая матрона. Приведя Цин Ло в свои комнаты, она без всяких церемоний принялась отчитывать ее мягко стеля, да жестко спать, отчего лицо Лоэр покраснело от стыда. Лоэр была единственной служанкой, которую Цин Ло взяла с собой: хотя она и сама ужасно злилась на длинный язык девчонки, ее природа не позволяла бросить своих в беде, тем более стерпеть подобное отношение к служанке со стороны чужих людей. Лицо Цин Ло все еще скрывал красный платок, но губы тронула приветливая, мягкая улыбка:

— Матрона говорит верно, и Цин Ло сердечно благодарит ее за добрые пожелания. Если Цин Ло однажды и вправду довелось бы прославить свой род, она, разумеется, не забудет «заботу» матроны и отблагодарит ее сторицей.

— Вы слишком любезны, госпожа, — лицо матроны окаменело.

Она была не глупа и прекрасно понимала: Цин Ло намекает, что если та в будущем завоюет милость, то обязательно припомнит ей все старые счеты. И надо же — какая-то девица, впервые переступившая порог дворца, смеет так разговаривать со старой служанкой! То ли за ней стоит какая-то сила, то ли она просто глупая кукла, набитая соломой. По приказу Благородной супруги Гуйфэй она должна была понаблюдать за новенькой, но теперь стало очевидно — совладать с этой Цин Ло будет ох как непросто...

— Госпожа Цин Ло, пускай сегодня все было обставлено по обычаям простолюдинов, но мы находимся в императорской резиденции, и явится ли Император — зависит исключительно от его настроения. Если Император не придет, вам так и придется сидеть под этим платком, понимаете ли вы это?

— Выходит, если Император не появится целый месяц, я должна просидеть под этим платком целый месяц? — с досадой произнесла Цин Ло.

— Таковы правила, госпожа. Старая служанка ничем не может помочь.

В голосе матроны проскользнули мстительные нотки злорадства, а глаза Лоэр снова наполнились слезами. Она с тревогой смотрела на Цин Ло, страшась, как бы та вновь не ляпнула чего-нибудь неслыханного, но Цин Ло лишь спокойно ответила:

— Я поняла, благодарю матрону за наставление. Матрона, я устала и хотела бы отдохнуть, можно?

— На сегодня мы оставим госпожу в покое. Но начиная с завтрашнего дня вам придется приступить к изучению дворцового этикета.

— Благодарю.

Цин Ло знаком велела Лоэр вручить матроне красный конверт с деньгами, лишь после этого лицо старухи немного посветлело, и она удалилась. Едва она ушла, Цин Ло со злости сорвала с головы покрывало и принялась втихаря запихивать в рот сласти. Лоэр от такого зрелища едва не лишилась чувств, испуганно оглядываясь на окно и беспрестанно бормоча:

— Госпожа, как вы могли сами снять покрывало! Если матрона узнает, вам снова не избежать упреков!

— Плевать.

— Госпожа!

— Она с самого начала цеплялась к нам по любому поводу. Если мы проявим излишнюю покорность, она станет презирать нас еще сильнее — уважения можно добиться лишь сочетанием милости и строгости. К тому же за ее спиной кто-то стоит, и мое поведение наверняка уже доложили тому человеку... Интересно, кем она меня воображает — коварной змеей или круглой душой? Хе-хе...

— Госпожа, вы и впрямь плетете интриги? Почему мне кажется, что вы так зловеще улыбаетесь?

— Жизнь слишком скучна, если думать обо всем подряд, так и устать недолго, — усмехнулась Цин Ло. — Я не хочу стареть слишком рано, но и не против, если кто-то другой состарится от забот, хе-хе.

— Госпожа...

— Ладно, садись поешь, ты ведь тоже давно ничего во рту не держала.

— А что, если Император придет?

— Он не придет. Должно быть, он давно меня забыл.

— Тогда зачем было приказывать вам являться во дворец?

— Из мести, полагаю.

— А?

— Хе-хе... — Цин Ло улынулась, не сказав больше ни слова.

Му Цинхань...

Когда-то я разбила ему голову да еще и изблювала все его парадные одежды, и он забрал меня к себе вовсе не ради смазливости личика, а исключительно чтобы покарать посильнее. Какая клоунада. Надеюсь только, он не вспомнит обо мне; если же вспомнит — боюсь, мне не сносить головы...

Цин Ло и представить не могла, что все ее опасения этой же ночью обернутся суровой реальностью. Причем все окажется гораздо хуже, чем она предполагала.

Омовение

Третья стража.

Две дворцовые служанки, приставленные к Цин Ло, презрительно относились к девушке, не имевшей официального титула, и под разными предлогами удалились, чему Цин Ло была только рада — ей хотелось побыть в тишине. Она знала, что правило «не снимать покрывало до прихода Императора» придумано той старой матроной лишь для того, чтобы поизмываться над ней (хотя истинных целей этой женщины она до конца не понимала), и понимала, что поначалу во дворце стоило бы прикинуться дурочкой. Однако ее гордый нрав не позволял гнуть спину перед подобной челядью.

И потому, невзирая на уговоры Лоэр, она самостоятельно откинула красную фату, немного перекусила тем, что было под рукой, и велела Лоэр готовить ложе ко сну.

Лоэр посмотрела на нее взглядом, полным немого отчаяния, тяжело вздохнула и принялась за приготовления, бормоча под нос:

— Госпожа, вы еще упрекали меня в том, что я легко наживаю неприятности! Да вы же сами накликаете на себя беду куда быстрее! Впрочем, вы все равно никогда не слушаете советов, так что мои переживания — пустой труд... Я знаю, что в вашем сердце кто-то есть, но теперь вы — женщина Императора, и нужно смотреть вперед. С вашей редкой красотой Император наверняка потеряет голову.

— Хе-хе. Неужели красота имеет такое уж значение?

Цин Ло медленно сбросила одежды и погрузилась в воду. Лоэр хлопотала рядом, а Цин Ло, касаясь собственных щек, задумчиво спросила:

— Лоэр, я и вправду так хороша собой?

— Конечно. Иначе стала бы Хуа Нянь... Впрочем, к чему госпожа задает такие странные вопросы?

— Неужели для мужчин внешность настолько важна?

— Разумеется. Только красивые девушки могут стать первыми красавицами квартала, а если у женщины выдающиеся таланты, но заурядная внешность, большой популярности ей не сыскать. Хуа Нянь всегда говорила, что для женщины главнее всего ее облик, а ваша красота — такая, какой и сама Хуа Нянь за всю жизнь видела едва ли пару раз. Так что госпожа непременно пойдет в гору и прославит свой род.

— Прославит свой род... — сердце Цин Ло пронзила острая боль. — Хе-хе, и правда... если бы от моего рода хоть кто-то остался в живых...

— Лоэр сболтнула лишнего!

— Пустяки. Оставь меня одну, хочу побыть в тишине.

— Слушаюсь.

Лоэр удалилась, а Цин Ло закрыла глаза в наполненной ароматами благовоний купальне, чувствуя невероятную усталость, разливающуюся по телу. В прошлой жизни у нее не было столь ослепительной внешности, и она наивно полагала, будто выдающегося ума, добродетели и щедрости души хватит, чтобы покорить сердце Чу Ли. Но как мог столь выдающийся мужчина не прельститься истинной красавицей? Пожалуй, все это время она лишь обманывала саму себя, проявляя непростительную глупость...

Позади послышался легкий шорох шагов. Решив, что это вернувшаяся из беспокойства Лоэр, Цин Ло не придавала этому значения и бросила не оборачиваясь:

— Вода остыла, подлей-ка горячей.

Шаги Лоэр на миг замерли, но она ничего не ответила, удалилась, а затем вернулась вновь. Теплая вода струилась по коже Цин Ло, Лоэр взяла полотенце и принялась бережно растирать ей спину. Цин Ло почувствовала себя неловко и произнесла:

— Я сама.

Лоэр замерла и снова промолчала, опустив полотенце. Закрыв глаза, Цин Ло вдруг ощутила, как чьи-то руки скользнули по ее коже. Она резко обернулась и увидела перед собой не привычное лицо Лоэр, а красивое, тронутое усмешкой лицо мужчины.

— Цин Ло, неужели тебе так не терпелось услужить Мне?

— Му Цинхань? — невольно вырвалось у Цин Ло.

— Смеешь называть Меня по имени — твоя дерзость возросла куда сильнее прежнего, — усмехнулся Му Цинхань, глядя на нее без тени улыбки в глазах. — Жить надоело?

— Нет.

— Тогда ступай сюда, служи Императору.

Судя по всему, Му Цинхань выпил: от него исходил легкий, едва уловимый винный дух — не то чтобы неприятный, но вызывавший у Цин Ло глухое отвращение.

Она уяснила свою участь в тот самый момент, когда Чу Ли передал ее другому, и даже подумывала о том, чтобы убить Императора и свалить вину на Чу Ли, но задание, данное ей Чу Ли, заставило ее колебаться — она жаждала заполучить Кровавый нефрит, семейную реликвию семьи Юй, и даровать успокоение душам покойных родителей! К тому же этот Му Цинхань был ее злейшим врагом, и она не собиралась позволить ему умереть слишком легко!

— Что, оглохла? Или не понимаешь моих слов? — холодно улыбнулся Му Цинхань.

— Слугиня повинуется.

Тому, чему суждено случиться, неизбежно настанет срок. Ты — всего лишь пешка, пешка, которую собственный муж преподнес другому! Так к чему же ты все еще упорствуешь...

Осознав все разумом, Цин Ло стремительно накинула ночную сорочку и предстала перед Му Цинханем. Тот расставил руки, ожидая ее услуг; Цин Ло зажмурилась и дрожащими пальцами принялась распускать завязки на его одежде.

Му Цинхань с интересом наблюдал за ней, затем внезапно протянул руку и притянул ее к себе. Цин Ло испуганно ахнула, закусила губу до крови, отчаянно подавляя подступающую тошноту! Она запрещала себе сопротивляться, мысленно уговаривая себя, но когда Му Цинхань уложил ее на ложе и легко провел пальцами по ее волосам, с глаз против воли сорвалась слеза.

— Не желаешь? — спросил Му Цинхань, стирая пальцем дорожку слезы с ее щеки.

— Слугиня не смеет.

— Не смеешь, но и не по доброй воле?

Цин Ло промолчала.

Она от природы не умела красиво говорить и не понимала, к чему Му Цинхань задает столь коварные вопросы, а потому предпочла хранить молчание.

Чувство унижения, испытанное той ночью, накатило с новой силой; несмотря на все попытки сдержаться, она больше не могла себя контролировать, вскочила, бросилась в угол и зашлась в исторгающем душу спазматическом рвотном позыве. Му Цинхань полулежал на ложе, наблюдая за мучениями Цин Ло, и бросил:

— Неужели я вызываю у тебя такое отвращение?

— Каюсь перед лицом десяти тысяч смертей! — Цин Ло в панике рухнула на колени.

— Перед тем как отправить тебя во дворец, кто-то наверняка обучал тебя уходу за Мной. И как же ты училась? Мне даже любопытно, с чего это вдруг Чу Ли позволил женщине вроде тебя переступить порог дворца? Неужели и на старуху бывает проруха?

Цин Ло не смела произнести ни звука.

— Хе-хе... неужели ты и впрямь возомнила, будто пара смазливых вещиц на лице позволит тебе закрепиться в гареме и заполучить то, к чему ты стремишься? Да кто ты такая? Разве он не знал, что Я велел привести тебя во дворец лишь ради забавы, чтобы отплатить за то унижение, коего ты Меня удостоила! Хе-хе...

Ранение Императора

Смеясь, Му Цинхань с силой сжал подбородок Цин Ло. Пальцы сдавили кожу до жгучей боли, и девушке показалось, будто она услышала хруст трескающейся кости. Не смея сопротивляться Му Цинханю, она закрыла глаза, но тот приказал:

— Не хочешь смотреть на Меня? Открой глаза.

Цин Ло пришлось подчиниться.

Му Цинхань находился совсем близко.

Даже находясь в собственных покоях, он не надел императорские одежды цвета яркого солнца — на нем по-прежнему красовались белые одежды, однако от его фигуры не исходило ни капли ученой мягкости, лишь пугающий до дрожи леденящий холод. Склонившись над ней, он обжигал ее лицо горячим дыханием, находясь в считанных дюймах. Цин Ло покорно и безмолвно смотрела в его глаза; Му Цинхань перехватил ее за горло и с легкой улыбкой произнес:

— Чего же ты добивалась, приближаясь ко Мне?

— Если память мне не изменяет, это Император во что бы то ни стало пожелал видеть меня во дворце, — раздраженно бросила Цин Ло.

Чу Ли утверждал, что у меня тайные замыслы, Император заявляет о том же — почему мысли всех этих мужиков настолько одинаковы? Вы еще не устали задавать эти вопросы, а меня уже тошнит на них отвечать!

Да, я явилась к вам со своими целями, но неужели вы всерьез думаете, что после ваших допросов я выложу все свои помыслы как на духу? Какая глупая трата времени!

— Какая же ты языкастая. Единственная, кто смеет говорить со мной подобным образом, — спокойно усмехнулся Му Цинхань. — Цин Ло, неужели ты думаешь, что Я не посмею тебя убить?

— Император приложил столько усилий, чтобы доставить меня во дворец неужели он проделал все это лишь для того, чтобы умертвить меня?

— Ты и впрямь невероятно дерзкая, а твой нрав вызывает одно лишь отвращение. Цин Ло, похоже, ты забыла, что Я — заурядный распутный император, который всегда делает лишь то, что вздумается, повинуюсь капризам. Я могу казнить чиновников, пожалованных мне покойным императором, и тем более способен прикончить такую ничтожную служанку, как ты. На сей раз князь Наньчжао и впрямь просчитался.

Произнеся это, Му Цинхань усилил хватку, и Цин Ло внезапно ощутила, что лишена возможности сделать вдох — казалось, этот мужчина готов сломать ей шею! Ее ноги оторвались от пола, руки отчаянно заскребли по пальцам Му Цинханя, пытаясь разомкнуть мертвую хватку, но в теле не осталось ни единой унции сил.

Из-за нехватки кислорода сознание стало заволакивать туманом, но в груди продолжало звучать упрямое эхо — она не хотела умирать, она не желала умирать! Пусть лучше погибнет кто-то другой, но сама она намерена жить!

— Отпусти...

— Замолишь грехи захотелось? Поздно. Внезапно ты мне наскучила, а сломанную игрушку лучше уничтожить... Ох...

<http://bllate.org/book/21099/2142170>